ния механизмов действования со словом. Это согласуется с мыслью И.Р. Гальперина о том, что «задачей стилистики в какой-то мере является изучение лингвистическими методами всего процесса коммуникации» [6, с. 15]. По замечанию Т.Г. Винокур, «идея возможности разных задач и разных масштабов науки о стилях приобретает все большую популярность» [5, с. 17].

Таким образом, сущность интегративного стилистического подхода видится в изучении выбора не только словесных импликатур в отношении к содержательным (что не отрицается), но и содержательных импликатур в отношении к действительности, что целесообразно целиком отнести к плану социально-психологически детерминированной речевой деятельности.

Литература

1. Бельчиков Ю.А. Стиль // Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М. : Большая рос. энцикл.; Дрофа, 1998. С. 541 – 543.

2. Беляевская Е.Г. Когнитивные параметры стиля // Вопр. когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 22 – 29.

3. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. 3-е изд. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

4. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М. : Высш. шк., 1981.

5. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Наука, 2009.

6. Гальперин И.Р. О понятиях «стиль» и «стилистика» // Вопр. языкознания. 1973. № 1. С. 15 – 19.

7. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека : учеб. пособие. Калинин : КГУ, 1977.

8. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М. : Гнозис, 2005.

9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : моногр. Волгоград : Перемена, 2002.

10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.

11. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М. : Ком Книга, 2007.

12. Мкртычян С.В. Управленческий лексикон как ядерная стилистическая зона устной деловой речи // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. Серия «Филология и искусствоведение». 2010.№ 1(2). С. 19–24.

13. Мкртычян С.В. Базовые единицы языка-речи в соотношении с аспектами стиля // Terra linguae : сб. науч. тр. / отв. ред. А.Д. Травкина. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. С. 114 – 128.

14. Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. М. : Наука, 1980.

15. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М. : Яз. рус. культуры, 1998.

16. Сусов И.П. Введение в языкознание : учебник. М. : АСТ: Восток – Запад, 2007.

17. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л. : Учпедгиз, 1941.

18. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2004.

Communicative stylistics: on the way to the integrative theory of language

With the help of the three aspects of "language phenomena", differentiated by L.V.Shcherba, there are sorted out four aspects of stylistics (cognitive, systemic and structural, test, communicative) on the basis of the correlation "style – language/speech"; substantiated the linguistic status of the communicative aspect of stylistics as the integrative field of linguistics: noted its object, subject and structure.

Key words: *style, language/speech, communicative stylistics, speech activity, communicative activity, discourse.*

Е.Ю. КИСЛЯКОВА
(Волгоград)

ИНАКОСТЬ В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Освещена проблема инакости в русском языке, рассмотренная в наиболее широком (как категория философии и логики) и узком (как категория лингвистики) аспектах. Выделяются признаки, свойственные инакости как коммуникативной категории.

Ключевые слова: *инакость, коммуникативная категория, смысловое поле «иной», категоризирующий семантический признак, категория градуированного оппозитивного типа, функция регулирования процесса коммуникации.*

Понятие «категория» восходит к Аристотелю, выделявшему, в частности, десять категорий: сущность, количество, качество, отно-

© Кислякова Е.Ю., 2011

шение, место, время, положение, состояние, действие и претерпевание [9]. Сегодня данное понятие является междисциплинарным, наполняющимся различным содержанием в зависимости от предметной области. В частности, оно функционирует как ключевое в различных парадигмах современного лингвистического знания. К лингвистическим категориям относится «любая группа из элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; это параметр, признак, по которому обширная совокупность однородных языковых единиц разбивается на ограниченное количество непересекающихся классов, члены которого характеризуются одним и тем же значением данного параметра/признака» [4, с. 215].

Принято выделять следующие типы лингвистических категорий: языковые (категории языковых уровней, необходимых для обеспечения внутрисистемного устройства языка, например, грамматическая, морфологическая, синтаксическая категория); функционально-семантические, например, модальность, темпоральность, персональность [3, с. 18], функционально-стилистические, понятийные (категория активности / неактивности, отчуждаемости / неотчуждаемости) [9].

Инакость – универсальная категория, присущая человеческому обществу на каждом этапе его исторического развития, одна из острейших общечеловеческих проблем, имеющая специфические причины и формы своего существования. Еще мыслители древности, начиная с милетской школы, создавали концепции иного (например, все природное есть некоторое иное, умопостигаемое или атомарное, субстанциальное). В классических концепциях, особенно у Гераклита и Лао-цзы, содержались утверждения общности одного и другого как их субстанциального единства.

Онтологическую фундаментальность идей одного и другого утверждал Платон, и его мнение по этой проблеме воспроизводил Гегель, утверждая, что Бог создал мир из природы одного и другого; он их соединил и образовал из них третье, которое имеет природу одного и другого. Согласно Гегелю, *одно* имеет смысл первичной определенности по отношению к иному. В феноменологии реализовано понятие о феноменах, которые, согласно Хайдеггеру и Сартру, непосредственно себя кажут и тем самым выявляют свое сущностное иное [5].

В современной антропологии и культурологии концепция инакости создается Э. Левинасом на основе «философии диалога» (М. Бубер, М. Бахтин) как протест против доминирующей на протяжении долгого времени теории о существовании разума как такового, духа как такового, общеобязательного и общезначимого сознания, т.е. не зависимого от исторических и географических условий (М. Вебер, Декарт, Кант, Гегель).

В первую очередь, работы Леви-Стросса и его единомышленников (от М. Леири до Ю. Кристевой) сделали очевидным наличие «другого» разума во всей амбивалентности данного выражения. Серьезное изучение неевропейских цивилизаций и прежде всего форм поведения и мышления так называемых архаических народов показало, что «разум» (la raison, the reason, die Vernunft), считавшийся прозрачным для самого себя, поддающийся высвечиванию в акте рефлексии, имеет свое «другое» – то, что не есть он сам, но без чего он не может существовать. Разумное оказывается не столько «самоопределенным», как привыкли полагать философы, сколько определенным со стороны не-разумного – со стороны ускользающих от рефлексивного контроля структур. Исходящий отсюда «структурализм» провозглашает необходимость исследования этих – бессознательных – структур, тем самым в известной мере солидаризируясь с психоанализом и отступая от традиции «философии сознания». Демонстрация «другого» разума, о которой мы упомянули выше, означает, что нет одного, единственного, правильного, задающего норму Разума — есть различные, часто довольно далеко отстоящие друг от друга «разумы» [10].

Многогранность рассматриваемого феномена в полной мере проявляется в междисциплинарном характере самого термина «инакость», принадлежащего философско-социологическому, психологическому, религиозному, художественному и др. дискурсам, внутри которых существуют неоднозначные, порой взаимоисключающие, взгляды на природу иного. Диапазон разнообразных интерпретаций инакости нуждается в рассмотрении во взаимосвязи с лингвистическим аспектом категоризации данного феномена.

Инакость может рассматриваться двупланово: как категория логики и лингвистики. В традиционной логике инакость может быть противопоставлена следующим категориям:

1) с точки зрения идентифицирующей функции – категории самости, категории «Я» [7], выраженной суждениями, при которых предикат описывает состояние или действие,

направленное на субъект (например, возвратные конструкции);

2) в рамках указательно-дейктической функции – категории тождества [2], выраженной определенными лексико-грамматическими средствами (например, указательными местоимениями).

Как лингвистическая категория инакость характеризуется, во-первых, универсальностью смысла, общего для многих языков (например, лексико-фразеологические средства выражения инакости, стилистика и социолингвистика речевого поведения), во-вторых, идиоэтничностью интерпретационного компонента. Каждый язык имеет свои средства манифестации инакости, но не в каждом языке универсальность смысла подтверждается категориальным статусом, что позволяет говорить о данной категории как категории возможно скрытой.

В качестве категоризирующего для множества языковых элементов, вербализующих смысловое поле «иной», выступает общий семантический признак – ‘не такой, отличный, другой’. Данная категория представляет собой феномен, онтологически связанный с человеком и языком. В ней отражается взаимообусловленность мышления с особенностями его языковой реализации. В категории «инакость» экстраполированы единицы ментального лексикона, опредмеченные в русском языке следующими словесными знаками:

1) *иной, другой, не тот, не этот, из другой оперы* (разг., шутл.);

2) *кто-то (кто-нибудь, кто-либо) другой*;

3) *противоположный, противный* (устар., теперь юр.), *супротивный* (устар. прост.), *обратный*;

4) *непохожий, не такой, несходный, отличный, другого рода, несхожий* (разг.); *(о человеке) другого склада, другой породы; другого пошиба, из другого теста* (разг.); (в знач. сказ., о предмете): *рядом не лежал, близко не лежал* (разг.);

5) *нетождественный, неодинаковый, неподобный* [1].

С лингвистической точки зрения, а именно в аспекте языковой семантики, рассматриваемая категория инакости может составлять следующие оппозиции: «иной – тождественный», «иной – одинаковый», «иной – подобный», «иной – похожий». Таким образом, в данной категории реализуются и отражаются мыслительные, языковые и культурные процессы. Инакость как лингвистическая категория проявляется в системе языка в следующих ипостасях: 1) как знак, имеющий соответствующее содержание; 2) как коммуникативная единица, отражающая ментальное своеобразие носителей языка.

Инакость представляется очевидным и актуальным феноменом процесса общения. В философской синергетике среда самоорганизации «между» некоторым одним и другим интерпретируется как коммуникация в целом, поэтому инакость может рассматриваться в коммуникативном ракурсе как одна из базовых категорий общения.

Сегодня во многих лингвистических исследованиях наблюдается довольно частотное использование термина *коммуникативная категория*: встречаются исследования вежливости (Т.В. Ларина), эмотивности (В.И. Шаховский), тональности (Е.П. Захарова), митигации (С.С. Тахтарова), ясности речи (Г.Е. Дронова) как коммуникативных категорий. Категорию личности / безличности С.А. Недобух предлагает называть когнитивно-коммуникативной [11]. Думается, мнение ряда исследователей о том, что содержание понятия «коммуникативная категория» полностью и окончательно не уточнено, является обоснованным (см., напр., [12]).

Представляется логичным и целесообразным выделение разнообразных коммуникативных категорий, ориентированных непосредственно на процесс коммуникации, реализующих ее механизмы и правила, объединенных их ролью и участием в коммуникации. Однако в современной теории коммуникации пока не существует единого понимания коммуникативной категории.

И.А. Стернин, рассуждая о коммуникативном сознании как совокупности ментальных коммуникативных категорий, понимает под последними «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления. Некоторые из коммуникативных категорий отражают общие представления человека об общении, некоторые – о его речи» [13, с. 87]. Согласно И. А. Стернину, содержанием коммуникативной категории является некая упорядоченная совокупность суждений, установок, ментальных стереотипов, правил, касающихся языкового общения. Сходное понимание коммуникативной категории, содержащей определенные концептуальные знания о коммуникации, как отражения коммуникативного сознания человека представлено Т.В. Лариной [8].

По мнению И.А. Стернина, «для русского коммуникативного сознания могут быть выделены в качестве релевантных такие коммуни-

кативные категории, как собственно категория *общение*, категории *вежливость, грубость, коммуникабельность, коммуникативная неприкосновенность, коммуникативная ответственность, эмоциональность, коммуникативная оценочность, коммуникативное доверие, коммуникативное давление, спор, конфликт, коммуникативная серьёзность, реквестивность, коммуникативная эффективность, молчание, коммуникативный оптимизм / пессимизм, сохранение лица, категория тематики общения, грамотность, категория коммуникативного идеала* и др.» [13, с. 87].

Развивая положения И.А. Стернина, М.В. Шаманова исследует коммуникативную категорию как когнитивное явление, понимая под коммуникативными категориями ментальные единицы высокого уровня обобщения, которые включают в себя и обобщают ряд более частных коммуникативных концептов [14].

Наиболее полно, на наш взгляд, понятие «коммуникативная категория» сформулировано Е.П. Захаровой. Согласно точке зрения исследователя, коммуникативные категории «участвуют в организации и/или регулировании коммуникативного процесса, имеют определенную структуру (в виде оппозиции, спектра, шкалы), собственное коммуникативное содержание, набор разноуровневых языковых и речевых (в том числе и невербальных) средств для выражения этого содержания» [6, с. 13]. Существенным представляется противопоставление коммуникативных категорий языковым, функционально-стилевым и риторическим: «В отличие от языковых коммуникативные категории связаны не с языком, а с речью, причем на базе одних языков они превращаются в языковые (категория вежливости в японском языке), в других языках остаются на уровне речевых. В противоположность функционально-стилевым категориям коммуникативные проявляются в любой речи, независимо от функционально-стилевой принадлежности речи; от риторических отличаются тем, что они используются не намеренно, им не обучают, но коммуникация без них невозможна» (Там же).

По роли в коммуникативном процессе выделяются два типа категорий: обязательные для любого коммуникативного процесса (собственно коммуникативные, в рамках которых противопоставлены структурно-образующие и информативные) с коммуникативно организующей функцией и сопутствующие (регулятивные и квалификативные) с регулирующей функцией [12]. Согласно данной типологии коммуникативных категорий, инакость относится к квалификативным категориям, поскольку может выражать оценочное отношение и регулировать процесс коммуникации (подобный, т.е. знакомый, не вызывающий опасений :: иной, отличный, непонятный, возможно вызывающий опасения или любопытство). Учитывая тот факт, что отношение говорящего к номинации традиционно рассматривается в оценочном модусе, то можно говорить о субкатегориальной включенности инакости в оценку и эмотивность, поскольку данная категория сопряжена (в русском языке) с такими эмоциями, как любопытство, страх, напряженность по причине неведения.

По типу структуры категории разделяются на три группы:

1) оппозитивного типа с устройством в виде жесткой оппозиции (определенность / неопределенность, чуждость: свое / чужое и др.);

2) оппозитивного типа, имеющие структуру в виде шкалы (вежливость подчеркнутая / повышенная – нейтрально-нормативная – минимальная / невежливость – подчеркнутая невежливость – грубость);

3) спектрального типа со структурой в виде спектра (тональность, функционально-стилистическая окрашенность и др.) [6, с. 14–15].

В целом, разделяя точку зрения на феномен коммуникативных категорий, высказанную Е.П. Захаровой, мы не можем согласиться с предложенной классификацией категорий, согласно которой инакость должна рассматриваться как коммуникативная категория оппозитивного типа с устройством в виде жесткой оппозиции (иной – подобный (такой же), свой – чужой). На наш взгляд, данная категория относится к градуируемому оппозитивному типу и имеет структуру в виде шкалы («иной», «иной среди себе подобных» (при вербализации частного признака, «свой среди чужих», «чужой среди своих»), «подобный», «тождественный»). Отсутствие жесткости при структурировании данной категории объясняется теорией аппроксимации, приблизительных номинаций, теорией кажимости, теорией стохастичности языкового знака.

Таким образом, инакость как коммуникативная категория представляет собой единство структурно организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения. Основной функцией коммуникативной категории инакости видится регулирование процесса коммуникации.

Литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. М. : Рус. яз., 2001.
2. Арутюнова Н.Д. Тождество и подобие (заметки о взаимодействии концептов) // Логический анализ языка. М. : Наука, 1990. С. 7–32.
3. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1976.
4. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Категории // Лингв. энцикл. словарь. М., 1998.
5. Желтов Ю.В. Категория инобытия в философской онтологии, науке и практике: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ниж. Новгород, 2003.
6. Захарова Е.П. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 12–19.
7. Корепина Н.А. Языковая реализация функционально-семантической категории самости : автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2009.
8. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Н.Д. Арутюновой, В.А. Виноградова, В.Г. Гака и др. М. : Большая рос. энцикл., 2002.
10. Малахов В.С. Парадоксы мультикультурализма // Иностр. лит. 1997. № 11. С. 171–174.
11. Недобух С.А. Когнитивно-коммуникативная категория персональности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002.
12. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория : дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2010.
13. Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании // Лингв. вестн. 2002. Вып. 4. С. 87–94.
14. Шаманова М.В. Коммуникативная категория в языковом сознании (на материале категории *общение*) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2009.

Otherness in the system of linguistic categories

There is covered the issue of otherness in the Russian language, considered in the broadest aspect (as a category of philosophy and logic) and in a narrow aspect (as a category of linguistics). There are sorted out the signs peculiar to otherness as a communicative category.

Key words: *otherness, communicative category, semantic field "other", categorizing semantic sign, category of graded opposition type, function of communication process regulation.*

С.И. КРАССА, В.Г. ДУДКИНА
(Ставрополь)

ФРАЗЕОЛОГИЯ vs ИДИОМАТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Рассматриваются подходы к неоднословным сочетаниям в сопоставлении концепций фразеологии В.В. Виноградова и идиоматики И.Е.Аничкова. Приводятся доводы в пользу того, что идиоматика имеет больший потенциал в теоретическом и прикладном аспектах. Показывается, каким образом идиоматика может быть использована для семантического дефинирования в словаре английского языка и для лексикографического описания русского арго.

Ключевые слова: *фразеология, идиоматика, свободные (несвободные) сочетания, дефиниционный словарь, социолект.*

За годы своего существования фразеология выработала немало определений фразеологизма, в которых признаки единиц этого типа в значительной мере зависят от понимания авторами сущности и объема исследуемой области (работы В.В. Виноградова, В.Л. Архангельского, А.М. Бабкина, А.В. Кунина, Н.Н. Амосовой, В.П. Жукова, Б.А. Ларина, М.М. Копыленко и З.Д. Поповой, В.М. Мокиенко, А.И. Молоткова, Р.Н. Попова, В.Н. Телия, Н.М. Шанского, Д.Н. Шмелева). Между тем во фразеологии остается нерешенной проблема единых критериев к выделению исследуемых сочетаний, поэтому имеет место включение в предметное поле науки таких разноплановых единиц, как *бить баклуши, проливной дождь, едва не, как бы там ни было, X он и в Африке X* [6]. Не случайно В.Н. Телия говорит о шести «фразеологиях», изучающих 1) идиоматичность сочетаний, 2) связанность значения, 3) клишированность речи, 4) стиль автора или направления, 5) паремиологию и 6) афористичность, цитатность речи [10].

Как известно, в отечественной науке работы, посвященные фразеологии, появились в середине XX в. [7; 8]. Концепция В.В. Виноградова восходила к идеям Ш. Балли [5] и основывалась на введении категории связанности значения и соотношении фразеологизмов со свободным сочетанием слов. Главным критерием для выделения фразеологических групп разных видов стала обычность, или узус

© Красса С.И., Дудкина В.Г., 2011